

Тема национального воспитания в российской церковной публицистике конца XIX – начала XX века*

Понятие «национальное воспитание» появляется в отечественной публицистике конца XIX – начала XX века в связи с ростом популярности в определенной части общества идеологии русского национализма. Как отмечают современные исследователи, сторонниками националистических идей объявляли себя в то время «и члены крайне правых партий и союзов, и представители умеренного крыла либерального лагеря, и даже отдельные социалисты» [19, с. 153]. Но все же среди тех, в чьей системе координат понятие «национализм» воспринималось как положительное, преобладали представители консервативно-охранительного лагеря.

Русский национализм как особое политическое течение, правоцентристское по своему характеру, значительно более модернистское и западническое, чем черносотенство или имперско-бюрократический консерватизм [23, с. 492–498], тогда находилось еще только в стадии оформления. В то же время у многих представителей правомонархического лагеря слово «национализм» ассоциировалось с уваровской «народностью», взглядами славянофилов, почвенников и других поборников русской самобытности. Наконец, национализм мог восприниматься просто как один из аспектов патриотизма. Таким образом, это понятие зачастую считалось необходимым атрибутом любого русского человека, преданного «вере, царю и отечеству». Поскольку же среди русского православного духовенства преобладали сторонники правоконсервативных взглядов, а в официальных органах церковной печати охранительное направление доминировало безусловно, то неудивительно, что в церковной публицистике того времени мы встречаем положительные характеристики «национализма» чаще, чем отрицательные.

Вполне позитивно относились многие церковные авторы и к идее «национального воспитания» то есть культивирования национальной идентичности у подрастающего поколения. Деятели первой крупной партии отечественных националистов – Всероссийского национального союза (ВНС) уделяли национальному воспитанию и его внедрению в систему образования на всех уровнях достаточно серьезное внимание. В 1912 году силами членов Петербургского отдела ВНС было открыто «Общество национального воспитания» [23, с. 489]. Одним из идеологов партии профессором П.И. Ковалевским был написан объемистый труд «Русский национализм и национальное воспитание» [21]. Взглядам русских националистов на вопросы образования и воспитания уделено несколько страниц в монографии С.М. Саньковой о Всероссийском национальном союзе [28, с. 162–166]. Однако на участии представителей церкви в продвижении этих взглядов исследовательница

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00096 «Российское православное духовенство и русский национализм в конце XIX – начале XX века».

Амбарцумов Иван Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей, факультет международных отношений СПбГУ. E-mail: ivanrusk@mail.ru

подробно не останавливается, если не считать упоминаний о выступлениях в III Думе членов фракции националистов епископа Евлогия (Георгиевского) и В.К. Тычинина (кандидата богословия, выпускника Киевской духовной академии) в поддержку церковноприходских школ [28, с. 162–163].

В последние годы вышел ряд публикаций, в которых рассматривается отношение российского православного духовенства конца XIX – начала XX века и отдельных его представителей к идеологии и практике русского национализма [19, 17, 18, 2, 20, 22], но ни в одной из них не проанализированы подробно взгляды православных священнослужителей на продвижение принципов национализма в сфере образования и воспитания. Правда, в одной из наших статей упоминается о выступлении депутата-священника Н.Е. Гепецкого в защиту государственно-патриотического направления, присущего церковным школам (которые характеризовались его левыми оппонентами как «школы черносотенные») [2, с. 215]; но это лишь один из сюжетов, занимающий в публикации сравнительно небольшое место. В.В. Калиновский в своей статье затронул взгляды архиепископа Николая (Зиорова) на вопросы народного образования, но речь там идет в первую очередь о его воззрениях на устройство инородческих и иноверческих школ, а не о национальном воспитании русских школьников [20, с. 244–245]. Таким образом, данная тема требует более серьезной разработки.

Кроме того, актуальность темы обусловлена современными идеологическими тенденциями, определяющими политику российского государства в области культуры и образования. Сегодня патриотическое воспитание (понятие, не вполне тождественное «национальному воспитанию», но близкое к нему) позиционируется как одна из важнейших задач школьного образования. Кроме того, возрастает влияние церкви на сферу образования, что выразилось в появлении предмета «Основы религиозных культур и светской этики» (один из модулей которого – «Основы православной культуры»). Обе указанные тенденции вызывают одобрение консервативной части общества и, напротив, раздражение у многих либерально мыслящих граждан и у некоторой части приверженцев левых взглядов.

Культурная и социально-политическая ситуация рубежа XIX – начала XX века существенно отличалась от нынешней, но вместе с тем напрашивается целый ряд параллелей. В Российской империи господствующее положение православия, равно как и национально-государственный патриотизм на официальном уровне являлись непререкаемыми постулатами, но при этом в либеральных и левых кругах общества зрел протест против этих «скреп» самодержавного строя (явная аналогия с демонстративным антиклерикализмом и антипатриотизмом части нынешней либеральной интеллигенции). В то же время многие представители правых (черносотенных, националистических) кругов дореволюционной России склонны были считать правительственную политику, в том числе политику в области культуры и просвещения, недостаточно консервативной и национальной (здесь можно опять же увидеть параллель с отношением современных национально-патриотических сил к действующей власти). Исходя из этого, можно предположить, что некоторые суждения церковных деятелей предреволюционного периода о способах воспитания русской национальной идентичности и путях совершенствования отечественной системы образования, покажутся актуальными нашим современникам.

Источниковой базой настоящей работы являются материалы епархиальных и центральных органов церковной печати. Использовались также стенограммы заседаний Государственной думы, содержащие выступления депутатов-священнослужителей по вопросам народного образования. На основе этих материалов выявлены определенные общие черты в подходе церковных деятелей того времени к вопросу национального воспитания, отмечена специфика взглядов на проблему отдельных священнослужителей и церковных публицистов.

Тема национального воспитания возникла на страницах церковной печати задолго до образования общественно-политических организаций русских националистов. Одним из первых ее поднял законоучитель Екатеринбургской мужской гимназии священник Василий Гаитский. Его статья, опубликованная в 1896 году в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях», была посвящена домашнему воспитанию детей из образованных семей. Для представителей дворянства и интеллигенции домашнее воспитание имело большое значение; оно, как правило, заменяло им начальное образование. В гимназии поступали дети с уже полученными дома базовыми знаниями и, разумеется, с уже заложенными основами мировоззрения. Наблюдения за этими детьми из дворянско-интеллигентской среды, по-видимому, и натолкнули о. Василия на его печальные размышления.

В начале священник формулировал свой идеал – каким должно быть, по его мнению, домашнее воспитание в русской семье: «Русское воспитание, если оно хочет быть зиждательного силою, содействующею жизненности, могуществу и славе государства, должно быть построено на коренных началах русской народной жизни, на коренной русской самобытной основе. <...> Коренною основою русского воспитания должна быть, бесспорно, православная вера, идеалами которой с испокон века живет русский народ, которой он обязан своею крепостью, богатырскою мощью и благодаря которой он, как феникс, часто восставал из-под пепла своих городов. <...> Но так как русское воспитание должно быть направлено к развитию всех русских сил в воспитываемом поколении, то на первом месте, после веры, русским воспитанием должно быть поставлено все то, в чем наиболее выразилось русское мировоззрение, национальное самосознание, что сближает воспитываемое поколение с его родиной, – это прежде всего родной язык и отечественная история» [6, с. 1142–1143].

Далее священник-публицист с горечью констатировал, что большинство русских образованных родителей демонстрируют при воспитании собственных детей совершенно иные приоритеты: «Если мы перейдем теперь от этих общих положений на общую конкретную почву русской действительности, то без труда заметим под своими ногами слабую национальную почву. У наших западных соседей дело домашнего воспитания поставлено так, что из немецких домов выходят истые немцы, дома французские выпускают горячих патриотов, а английские – крепких и стойких на счет интересов англичан, только наше русское воспитание страдает недостатком национализма и патриотизма; по отношению ко всему родному у нас и теперь еще замечается какое-то жалкое равнодушие, которое, к нашему стыду, начинают называть отличительной чертой нашей нации, по крайней мере, в высших слоях ее <...> Многие из русских родителей воспитывают жалких космополитов или немцев, французов, англичан, но только не русского православного человека» [6, с. 1143–1144]. В. Гаитский выступал против сохранявшегося среди дворян обычая поручать воспитание детей гувернерам-иностранцам, отмечал с прискорбием, что знатные родители не спешат приобщать детей к церкви, знакомить их со славными страницами российского прошлого.

Негативно оценивал священник-педагог существовавшую в семьях дореволюционного высшего общества (и, кстати, вновь возрождающуюся в наши дни) традицию обучать ребенка иностранным языкам с младенческого возраста. По мнению В. Гаитского, усвоение иностранного языка вместо родного, или наравне с родным, мешает формированию у детей четкой национально-культурной идентичности. «Пока дитя не освоится вполне с родным языком и не усвоит его не только памятью, но и всем существом своим, до тех пор иностранный язык есть для него положительное зло, которое сказывается прежде всего в спутанности и туманности представлений и понятий. Язык находится в самом тесном взаимодействии с мышлением: посредством слов, как знаков, мы закрепляем в уме своем представления о предметах и становимся способными к отвлеченному мышлению. Когда

же эти знаки будут постоянно видоизменяться (а это и происходит при слишком раннем усвоении иностранного языка и при изучении нескольких языков вместе), то и в мышлении будут происходить колебание и раздвоение».

В виде иллюстрации священник ссылался на эпизоды, описанные в книге известного тогда российского консервативного педагога П.Д. Шестакова «Мысли о воспитании в духе православия и народности»: «Нам случалось, говорит он [Шестаков – И.А.], быть свидетелями такой сцены на пароходе. Мальчик лет 10–11, отлично говоривший по-немецки, вел оживленную беседу с двумя берлинцами, путешествующими по Волге. Он с таким увлечением говорил об общем немецком отечестве, о Вильгельме, Бисмарке, что немцы были уверены в его немецком происхождении. Когда же на вопрос их: ваш отец немец? мать немка? так ваши предки немцы? получили отрицательные ответы и утверждение, что он русский, то немцы значительно сжали губы и, по уходе мальчика из рубки, где шел разговор, заметили “молодец”. Другого мальчика я видел в кругу семьи, который развязно ораторствовал о тори и вигах, о парламенте, о выгодах конституционного правления. Этот мальчик вырос на руках англичанки. Но вот более поразителен 3-й пример. Мальчик 10 лет, бывший на руках гувернера-француза, весело и свободно болтал со своим воспитателем. Но нас не только поразило, но и глубоко возмутило то, что мальчик вел счет по годам со времен взятия Бастилии и разыграл затем Марсельезу с шиком истого парижанина» [7, с. 1191–1193; 30, с. 74–75].

Критикуя космополитическую и западническую направленность домашнего воспитания, о. Василий подчеркивал, что речь идет именно о высшем обществе, об интеллигенции, в то время как «простой русский народ совершенно безупречен в недостатках национализма и патриотизма» [7, с. 1195]. Почти два десятилетия спустя, в 1912 году церковный публицист В. Встеселовский в статье, опубликованной в «Орловских епархиальных ведомостях», с тревогой отмечал, что «антинациональное настроение начало передаваться и нашему простому народу. Вековечные устои, выросшие в его душе, стали рушиться при соприкосновении с культурой, которая распространяется в народе по большей части лицами, потерявшими связь с народными устоями, с народными обычаями и упованиями» [5, с. 543]. Противоядием против этого тлетворного антинационального духа, по мысли автора, должна была стать «народная школа». Автор цитировал слова К.Д. Ушинского: «Школу, школу **народную** дайте России, и тогда она станет на прямую дорогу», – и подчеркивал, что вслед за великим педагогом подразумевает «не начальную только школу, которую у нас принято называть народной, но все типы школ, начиная с начальной и кончая университетом».

«Народность» (то есть национальная ориентированность) русской школы должна была выразиться в ее твердой верности православным основам и патриотическом направлении образовательных программ: «Созидаась на православной вере, как первой <...> национальной основе своей, наша система воспитания должна быть национально-русской и по всему дальнейшему своему построению. Развивая ум юношей всем существенно-важным багажом научных знаний, она должна в то же время и прежде всего воспитывать дух питомцев в национально-русском направлении» [5, с. 544]. Подобные пожелания свидетельствуют о том, что существовавшая в Российской империи система образования казалась автору недостаточно проникнутой национальным духом. В таком взгляде он не был одинок. Профессор-протоиерей Т.И. Буткевич, преподававший в гимназии Русского собрания, в своем докладе «Задачи русского народного самосознания» (1912) утверждал: «Наши школы – также не русские школы; все они устроены по чужеземным образцам. Замечательно, что их уставы наше правительство иногда нарочито посылало в Европу на предварительное одобрение иностранцев; ему, очевидно, хотелось узнать от них: во всем ли согласен сделанный им перевод с подлинником?» [4]. Еще более резкой оценки (с точки

зрения соответствия русским национальным идеалам) достаивалось со стороны правых церковных деятелей университетское образование. Депутат Государственной думы протоиерей А.Д. Юрашкевич говорил о «космополитической дури, которая насыщает наши университеты и там царствует» [14, стлб. 271].

В качестве недостатка российского школьного образования один из церковных авторов отмечал (как ни странно это покажется современному читателю) его чрезмерную деполитизированность и деидеологизированность. Священник-публицист, подписавшийся инициалами и сокращенной фамилией «прот. В. Я-вич» (судя по всему, это был депутат Государственной думы от Минской губернии протоиерей Вячеслав Андреевич Якубович), констатировал, что «в минувшие годы» русская школа «всеми силами стремилась изолировать учащихся от внешнего государственно-общественного мира, лишала их сознательного политического и гражданского воспитания, удерживала, а нередко и прямо-таки преследовала всякое проявление их интереса не только к текущим, но и к общим вопросам и задачам государства и общественного строя, <...> стремилась внушить учащимся чуть ли не с детства самое туманное политическое мировоззрение и сообщать им самые скудные и неопределенные сведения о характере, свойствах и национальных особенностях русского народа». В результате «в школах созревали юноши, совершенно незнакомые с жизнью, не имевшие никакого понятия о социально-политическом устройстве своей страны, а главное – совершенно чуждые искренней любви и уважения к своему отечеству и преданности к своему народу» [31]. Именно такие юноши, по мнению протоиерея, легко велись на пропаганду радикально-революционных элементов.

Следует заметить, что власти Российской империи стремились уберечь учащихся школ и гимназий от погружения в животрепещущие общественно-политические проблемы именно для того, чтобы предохранить молодое поколение от вольномыслия, но, с точки зрения священника, результат получался обратный: идеологический вакуум заполнялся антинациональной и антигосударственной пропагандой. «Много уже лет учащаяся молодежь не только университетов и средних школ, но даже и низших народных училищ служила орудием насаждения и распространения противоправительственных, антирелигиозных и всяких других отрицательных идей и учений», – констатировал автор [31]. Беспокойство минского протоиерея по поводу отсутствия в школах гражданского воспитания, незнакомства учащейся молодежи с общественно-политическим устройством своей страны и проистекающего отсюда нигилизма было созвучно взглядам деятелей ВНС. Как отмечает С.М. Санькова, «в качестве одного из необходимых предметов [уже для начальной школы – И.А.] националисты выдвигали обществоведение, которое должно было сообщать учащимся сведения “об обязанностях по отношению к государству, по отношению к властям, уважению к чужой собственности...”» [28, с. 164–165].

В.А. Якубович для преодоления существующих негативных тенденций предлагал сделать школьное и гимназическое образование идеологизированным в хорошем смысле слова (проникнутым идеей национального патриотизма). «Школа, – писал он, – должна быть национальной, каковой она есть в Германии, Франции, Англии и в других государствах» [31]. Взамен отвлеченного академизма, царившего в дореволюционной гимназии, священник предлагал поощрять живой и эмоционально-окрашенный стиль преподавания: «школьное преподавание <...> должно стараться развить в учащихся здоровую и живую идеализацию всего родного и отечественного, раскрыть в ярких и радостных красках величавые и возвышающие душу образы родной истории и родной литературы» [31].

При этом священник-публицист отнюдь не выступал апологетом казенного урапатриотизма. Напротив, он предлагал сделать содержание учебных курсов более демократичным, приближенным к реалиям народной жизни. В частности, это касалось преподавания родной истории: «К сожалению, сообщаемая ныне в школах нашему юношеству

отечественная история состоит почти сплошь из описания войн или походов, из повторения хронологии или из конспективно изложенных рассказов о подвигах царей и полководцев, притом нередко в сильно прикрашенном виде. Жизнь же народа, его быт, нравы, религия, экономическое и умственное развитие, – все, из чего, собственно, состоит история, составляет область недоступных и нередко запретных для учеников знаний» [32]. Таким образом, ратуя за национальное воспитание, священник высказывал вполне передовую (особенно для тех времен) идею – о необходимости преподавания социально-экономической истории, истории народной жизни, быта и повседневности наряду с историей царей и войн. Более живым и более «национальным» предлагалось также сделать преподавание родной литературы, языка и географии [32].

Сходные мысли высказывал и В. Встеселовский, писавший о национальном воспитании на основе русской истории, предоставляющей большое количество «примеров героизма, великодушия, верности слову и дружбе и непоколебимой преданности долгу», «богатейшего русского языка, гармоничного по произношению и глубокого по содержанию», великой русской литературы и, наконец, географии, могущей дать величественный образ «нашей страны, раскинувшейся от полярного Мурмана до субтропического Батума и от Варшавы до Владивостока, со всем разнообразием ее природы, фауны и флоры, с ее многочисленными народностями, с ее несметными богатствами, о которых мы так мало знаем и потому так мало в состоянии их эксплуатировать» [5, с. 545].

Церковный чиновник В.В. Соколовский (секретарь Подольской духовной консистории, товарищ председателя правления Общества взаимного вспомоществования учащим и учившимся в церковных школах Подольской епархии) призывал на страницах местной епархиальной газеты «всеми мерами <...> позаботиться <...> о пробуждении национального самосознания в широких наших народных массах, о внедрении и воспитании национальных чувств в наших юных поколениях, как в семье, так и в школе, во всех учебных заведениях от самых низших до высших». Образец организации школьного дела на твердых национальных началах Соколовский, как и Якубович, видел в иностранных государствах. Ссылаясь на статью С. Нечадина «Идеалы японского воспитания», опубликованную в «Московских ведомостях», церковный публицист отмечал: «В Японии, как и в Германии, главными проводниками национального самосознания в народе являются учителя. Всеобщее народное образование в Японии, введенное еще с 1870 года, по системе американца Моррея, в основе своей имеет, однако, чисто японские исторические идеалы. Первое место здесь отводится воспитанию в детях безусловной преданности своему монарху, безграничного патриотизма и развитию воинских доблестей до самопожертвования и полной готовности принести себя в жертву, если того потребуют интересы государства» [29].

В этих рассуждениях был явный намек на то, что Япония в недавней войне смогла одолеть Россию благодаря более сильному национальному духу, прививаемому ее жителям с детства. Очевидная аналогия прослеживается со знаменитым изречением, приписываемым Бисмарку, – о «прусском школьном учителе», выигравшем войну с Францией.

В период думской монархии особую актуальность приобрел вопрос о путях развития начальной школы для простого народа (то есть «народной школы» в узком смысле). В III Государственной думе (которую иногда называли «Думой народного просвещения») бурно обсуждались законопроекты о дополнительном ассигновании средств на народные школы и о введении всеобщего начального образования. При этом встал вопрос о том, какому типу начальной школы следует отдать приоритет. В Российской империи существовало два основных вида «народных школ»: земские (содержавшиеся земствами и находившиеся в ведении Министерства народного просвещения) и церковноприходские (возглавлявшиеся священниками и находившиеся в ведении Святейшего Синода). Представители левых и либеральных партий выступали за поддержку земской школы как более

светской и прогрессивной, в то же время правые и большинство представителей думского духовенства защищали приоритет церковноприходской школы. В ходе этой полемики в церковной печати высказывались резкие нападки на земскую школу, среди учителей которой было немало людей «политически неблагонадежных» и далеких от религиозного мировоззрения.

Газета «Церковные ведомости» в июле 1908 года предоставила свою трибуну правому публицисту А.П. Липранди, утверждавшему, что земская школа «была и не перестает быть митинговым залом и лабораторией для выделки снарядов и главным убежищем полководцев революции», в ней «царит мертвый дух космополитизма, дух унижения и принижения всего русского, национального, дух умаления царской самодержавной власти, дух неверия, дух отрицания семьи и всего самого святого, честного, благородного, великого, идеального» [27, с. 132]. Церковноприходская школа, напротив, характеризовалась ее защитниками как оплот православных и патриотических начал. Епископ Митрофан (Краснопольский), избранный в III Думу от Могилевской губернии, выражал убеждение, что «если школа ставит своей главной задачей воспитание детей в духе веры и нравственности христианской, то она, конечно, достигнет скорей своей цели под руководством священника, пастыря» [10, стлб. 2622].

Среди защитников церковной школы особенно выделялся своей энергией и красноречием бессарабский депутат-священник Николай Емельянович Гепецкий, охарактеризованный его коллегой по III Думе протоиереем Федором Никоновичем как «один из лучших из думской духовной среды ораторов» [24, с. 29]. Будучи умеренно правым, Гепецкий воздерживался от резких филиппик против земской школы, которые допускали крайне правые деятели. Напротив, в одной из своих речей о. Николай отмечал: «Я не нападаю на школу министерскую [она же земская – И.А.], я не позволю себе указывать на какие-либо отрицательные стороны, потому что и эти школы выполняют свое назначение» [11, стлб. 1149]. Но при этом он ревностно отстаивал преимущества церковной школы, необходимость сохранения ее особого статуса, решительно возражая против продвигавшегося октябристами проекта «объединения школ», то есть создания единой сети начальных учебных заведений под руководством Министерства народного просвещения, что подразумевало выведение церковноприходских школ из-под контроля духовного ведомства [27, с. 132, 134, 140–141]. Отвечая на выпад социал-демократа Т.О. Белоусова, характеризовавшего церковную школу как «черносотенную» и выступавшего за изгнание религии из образования [11, стлб. 741–744], Гепецкий заявил: «Я не думаю, чтобы в этом была какая-нибудь нехорошая сторона дела, раз мы стараемся, чтобы дети воспитывались на началах и основах религии. И вот именно эту сторону дела г. Белоусов назвал черносотенной, и я, как священник, действительно должен сказать <...>: да, действительно, в этом отношении школа наша черносотенная <...> Мы ни на одну йоту не отклоним направления своего в школе <...>, потому что признаем, что вера в Бога, любовь к ближнему, искренняя любовь, преданность государю императору и родине – это есть та основа, без которой, по нашему мнению, не может быть русского государства» [11, стлб. 1149–1150].

Отметим, что спустя полгода, Гепецкий обозначил себя с думской трибуны как приверженца «здорового русского национализма» [12, стлб. 2029], а в конце 1909 года стал членом русской национальной фракции. Деятельность о. Николая в III Думе высоко оценивал епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) [16, с. 178], который вместе с бессарабским священником вошел во фракцию русских националистов, но еще до ее образования последовательно защищал русские интересы, в сфере образования в том числе. В думском заседании от 14 марта 1908 года владыка Евлогий резко возразил против нападок со стороны польского депутата А.М. Ржонда на школьные порядки в западных губерниях (где власти активно насаждали русскую начальную школу для нейтрализации

польского влияния) [9, стлб. 522–523] и против реплики кадета Ф.И. Родичева, осуждавшего «национальный предрассудок» в сфере образования [9, стлб. 469]. «Я горячо протестую против того несправедливого упрека, того нареkania, которое бросил представитель польского кола нашей русской школе на западной окраине, где она с честью и достоинством несет свое великое знамя. Я <...> полагаю, что школа, конечно, не должна быть орудием политики, но она должна быть строго национальной. <...> Один из представителей партии народной свободы назвал национализм в школе вредным и антикультурным суеверием. А я думаю, что это есть одна из главных задач школы, в этом ее достоинство, слава, ее украшение. <...> Я думаю, что школа должна готовить нам достойных русских граждан, крепких верой в Господа Бога и своим патриотизмом, горячею любовью к своему царю и к своей родине, а отнюдь не беспочвенных и дряблых космополитов» [9, стлб. 536] – так сформулировал владыка собственное кредо относительно целей и задач народного образования. Позиции владыки Евлогия и о. Николая Гепецкого как в отношении национального характера школьного образования, так и в части защиты самостоятельности церковноприходских школ, поддерживались в дальнейшем всей фракцией русских националистов [28, с. 162–164].

Защитники церковной школы и национального воспитания высоко оценивали политику Александра III и К.П. Победоносцева, благодаря которым усилилось влияние церкви на народное образование. О. Николай Гепецкий в своей думской речи по школьному вопросу характеризовал Александра III как «великого возродителя национального духа», при котором «церковноприходская школа получает, так сказать, формальное бытие, и с 1884 г. <...> начинает все больше и больше развиваться» [11, стлб. 1152]. О. Василий Гаитский отмечал, что «отрезвление русского интеллигентного общества от крайнего увлечения Западом проявляется с начала славного царствования императора Александра III, который по цельности русской богатырской души является близко родственным Владимиру Мономаху и Александру Невскому». Екатеринбургский священник полагал, что именно благодаря русофильскому курсу этого государя «в сфере воспитания уже заметны новые веяния, – возвращение от иноземных и космополитических начал к тем стародавним началам, от нашей верности которым зависит бодрость, энергия и жизнерадостность возрастающих поколений» [8, с. 1229–1230].

К.П. Победоносцева, главного идеолога александровского царствования и фактического инициатора форсированного развития церковноприходских школ, защищал от нападок либералов епископ Митрофан (Краснопольский): «Здесь [в Думе – И.А.] не раз упоминалось имя К.П. Победоносцева и говорилось, что он был против народного образования. Сомневаюсь, чтобы сами говорившие это верили в справедливость своих слов, во всяком случае скажу, что они недостаточно вникли в характер деятельности этого государственного мужа. Одно церковно-школьное дело, которое создано в значительной степени, благодаря энергии Победоносцева, ясно говорит, что он-то более других заботился о народном образовании. <...> Все его сочинения проникнуты тою <...> мыслью, что образование, обучение должно быть гармоническим развитием всех сил души, и что религиозный элемент должен быть в школе на первом плане» [10, стлб. 2624–2625].

Из числа педагогических авторитетов церковные авторы любили ссылаться на К.Д. Ушинского, ратовавшего за «народность» школы и ее тесную связь с православной религией [5, с. 544; 7, с. 1189; 11, стлб. 1155]. В качестве положительного примера в церковной печати также позиционировался С.А. Рачинский (1833–1902), выдающийся педагог и просветитель, один из первых организаторов народных школ на церковной основе. В отзыве на сборник статей С.А. Рачинского, опубликованном в «Костромских епархиальных ведомостях» за 1891 год (автором отзыва был преподаватель Оренбургской духовной семинарии Н. Полетаев), отмечался «церковный, чисто-народный русский» характер школы,

созданной Рачинским в селе Татеве [25, с. 486], подчеркивалось самоотверженное подвижничество педагога, сменившего университетскую кафедру «на скромный столик сельского учителя, посвятившего себя всецело служению «дорогим ученикам», их воспитанию «в строго православном и национальном духе» [25, с. 483–484].

Русские националисты, в том числе некоторые их сторонники из числа служителей церкви, хотели видеть народную школу не только орудием воспитания русских людей в православном и патриотическом духе, но также и средством обрусения российских «инородцев», приобщения их к русской культуре и имперскому самосознанию. В этом плане интересен следующий эпизод из прений III Думы по школьному вопросу. В конце 1910 – начале 1911 года на очередь стал вопрос о языках преподавания в инородческих начальных школах. Депутат Д.П. Гулякин – русский крестьянин-старообрядец, избранный от Бессарабской губернии, предложил внести в перечень языков, на которых допускается преподавание, молдавский – для школ Бессарабии. Однако все прочие бессарабские депутаты выступили против данной поправки, заявляя, что базовым языком обучения в местной школе должен оставаться русский. Особенно горячо против поправки Гулякина выступил священник Н. Гепецкий, русский националист по фракционной принадлежности и политическим убеждениям, но этнический молдаван по происхождению (во всяком случае так его национальность была обозначена в депутатской анкете [26, л. 1]).

О. Николай, в частности, заявлял: «мы, бессарабцы, стремимся изучать русский язык, а вы даете нам школу на чисто молдавском языке», что, по мнению священника, лишало молдаван возможности продолжать образование в российских учебных заведениях. «Мы стремимся к вам, мы уже приобщились, а вы хотите отдать нас назад для того, чтобы мы оставались в полном невежестве» [13, стлб. 1241–1242], – заявлял он, обращаясь к своим оппонентам, Гулякину и поддерживавшим его левым депутатам. В итоге сторонники русского языка одержали верх [12, стлб. 1279]. Гепецкий, судя по всему, был обрусевшим молдаванином, искренне желавшим такой же культурной ассимиляции для своих соотечественников. Конструктивность его позиции в дискуссии о бессарабских школах вызывает, однако, сомнения. Современный молдавский историк А.К. Гросу приводит данные переписи 1897 года, свидетельствующие о чрезвычайно низком проценте грамотности среди молдаван, в сравнении с другими народностями Бессарабской губернии (в частности русским населением того же региона), и доказывает, что причиной этого была именно невозможность получать образование на родном языке [15, с. 140–142]; поправка Гулякина, отклоненная думским большинством, могла бы решить эту проблему.

Следует отметить, что отрицательное отношение к расширению функций инородческих языков в области школьного преподавания было общей позицией русской национальной фракции в Государственной думе [28, с. 166–167]. Вместе с тем среди священнослужителей, симпатизировавших идеям русского национализма, были сторонники более лояльной позиции по отношению к инородческим языкам. Например, архиепископ Николай (Зиоров), настаивавший на том, что «русский народ есть хозяин в земле русской, а все другие только его домочадцы», выступал за параллельное использование в инородческих школах русского и местных языков [20, с. 242, 244–245]. Епископ Андрей (Ухтомский), убежденный сторонник славянофильских идей [1, с. 21], заявивший в 1910 году о сочувствии «партии русских националистов» [3], в период своего служения в Казанской и Уфимской епархиях последовательно защищал миссионерско-педагогическую систему Н.И. Ильминского, предусматривавшую возможность для поволжских инородцев получать образование на собственных языках и использовать эти языки в богослужении [1, с. 23–25, 28].

Несмотря на отдельные расхождения и нюансы во взглядах различных церковных деятелей, выступавших по теме национального воспитания, в целом рассмотренные материалы церковной прессы и думских дискуссий оставляют впечатление о достаточно

консолидированной позиции большинства из них по принципиальным моментам. Существующая в Российской империи система образования на всех его уровнях признавалась недостаточно национальной по своему характеру, говорилось о необходимости «национализации» русской школы. Разумеется, подчеркивалась необходимость тесной связи отечественной школы с православной церковью – хранительницей высоких нравственных идеалов и русской самобытности. Кроме того, во многих текстах церковных авторов содержатся призывы к усилению воспитательно-патриотической составляющей при изучении предметов социально-гуманитарного цикла.

Школьное преподавание, по мысли этих авторов, должно быть не сухим и объективно-отстраненным, а живым, вдохновляющим, проникнутым «здоровой идеализацией» всего родного и отечественного – истории, языка, литературы, жизни и быта. Все эти тезисы касались как начальной (народной) школы, так и школы средней (гимназии), а также в определенной мере высшей школы (университета). Высказывалась в церковной прессе и озабоченность недостатком русских национальных начал, равно как и религиозного элемента в домашнем воспитании детей из российских образованных классов. Отмечался при этом западнический настрой значительной части русского дворянства и интеллигенции, в результате которого в их семьях воспитывались не «настоящие русские люди», а «космополиты». Антихристианские и антинациональные веяния усматривались многими представителями церкви и в начальной земской школе (что объяснялось либеральным характером большинства земств, и присутствием среди земских учителей большого числа представителей революционно-демократической интеллигенции). Потому наилучшим видом «народной школы» признавалась церковноприходская, воспитывающая детей в духе христианских добродетелей, верности государю, отечеству, русским традициям.

Теоретическую базу воззрений многих церковных авторов, писавших на тему национального воспитания, составляли педагогические взгляды К.Д. Ушинского, С.А. Рачинского, П.Д. Шестакова, К.П. Победоносцева. Также церковные публицисты указывали на положительные примеры из зарубежного педагогического опыта, отмечая, что во многих иностранных государствах национальные начала в области образования и воспитания, проводятся более последовательно, чем в России. Борясь с западничеством (в смысле преклонения перед Западом в ущерб патриотизму), они в то же время рекомендовали брать пример с западных народов, как, впрочем, и с восточных соседей России – японцев, в части культивирования ими собственной национальной идентичности. Таким образом, русская церковь в конце XIX – начале XX века в лице своих духовных лиц и церковно-общественных деятелей выступала оплотом консервативных и национально-патриотических начал в сфере воспитания и образования.

Литература

1. *Алексеев И.Е.* Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Окончание) // *Былые годы*. 2010. № 4 (18). С. 20–32.
2. *Амбарцумов И.В.* Священник Николай Гепецкий – русский националист и защитник церковных интересов в Государственной думе // *Научный диалог*. 2019. № 8. С. 208–225.
3. *Андрей (Ухтомский), еп.* О православных инородцах // *Казанский телеграф*. 1910. 23 марта.
4. *Буткевич Т.И.* Задачи русского народного самосознания // *Колокол*. 1911. 9 февраля.
5. *Встеселовский В.* К вопросу о национальном воспитании // *Орловские епархиальные ведомости*. 1912. № 19. 6 мая. С. 541–546.
6. *Гаитский В.* Недостаток национализма и патриотизма в русском домашнем воспитании // *Екатеринбургские епархиальные ведомости*. 1896. № 44–45. 2–9 ноября. С. 1139–1151.
7. *Гаитский В.* Недостаток национализма и патриотизма в русском домашнем воспитании // *Екатеринбургские епархиальные ведомости*. 1896. № 46–47. 16–23 ноября. С. 1189–1197.
8. *Гаитский В.* Недостаток национализма и патриотизма в русском домашнем воспитании //

- Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1896. № 48. 30 ноября. С. 1217–1231.
9. Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. СПб.: Гос. типогр., 1908.
  10. Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Ч. 3. СПб.: Гос. типогр., 1908.
  11. Государственная дума. Созыв III. Сессия II. Ч. 1. СПб.: Гос. типогр., 1908.
  12. Государственная дума. Созыв III. Сессия II. Ч. 4. СПб.: Гос. типогр., 1909.
  13. Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Ч. 1. СПб.: Гос. типогр., 1910.
  14. Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Ч. 2. СПб.: Гос. типогр., 1912.
  15. Гросу А.К. Молдавский великоросс: бессарабский феномен в Государственной Думе Российской Империи. Chişinău, 2011. 164 с.
  16. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994. 622 с.
  17. Иванов А.А. Православный консерватизм архиепископа Никона (Рождественского) против «язычествующего» национализма М.О. Меньшикова // Христианское чтение. 2019. № 4. С. 193–206.
  18. Иванов А.А. Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78.
  19. Иванов А.А., Чемакин А.А. Православное духовенство и русский национализм в начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 153–166.
  20. Калиновский В.В. Взгляды архиепископа Николая (Зиорова) на национальный вопрос // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 237–250.
  21. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание. СПб.: Типогр. М.И. Акинфиева, 1912. 395 с.
  22. Котов А.Э. Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 56–75.
  23. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
  24. Никонович Ф.И. Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея о. Феодора Никоновича. Витебск: Витебская губ. типогр., 1912. 272 с.
  25. Полетаев Н. С.А. Рачинский и его примерная педагогическая деятельность // Костромские епархиальные ведомости. 1891. № 21. 1 ноября. С. 481–491.
  26. РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 176 (Дело Гепецкого Николая Емельяновича от Бессарабской губернии. 18 октября 1907 г. – 24 мая 1912 г.).
  27. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной думе. М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2004. 560 с.
  28. Санькова С.М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Изд. Светлана Зенина, 2006. 370 с.
  29. Сокский [Соколовский] В.В. Пути насаждения национально-русского самосознания в нашем народе // Подолия. 1911. 5 января
  30. Шестаков П.Д. Мысли о воспитании в духе православия и народности. Казань: Изд-е книжного магазина А.А. Дубровина, 1897. 94 с.
  31. Я-вич В. [Якубович В.А.] Необходимость национализации русской школы // Подолия. 1910. 4 августа.
  32. Я-вич В. [Якубович В.А.] Необходимость национализации русской школы // Подолия. 1910. 6 августа.

Аннотация: В статье рассмотрены взгляды православных священнослужителей и церковных публицистов конца XIX – начала XX века на проблему воспитания подрастающего поколения в русском национальном духе. В качестве источников привлечены тексты из церковной периодики и стенограммы выступлений депутатов от духовенства в Государственной думе. На основе этих материалов делается вывод, что многие деятели церкви считали существовавшую в Российской империи систему образования недостаточно национальной по духу, а традиции домашнего воспитания в интеллигентных семьях оценивались некоторыми из них как антинациональные и космополитические. Исправление ситуации виделось православным публицистам прежде всего в усилении связи школы с церковью – главной хранительницей русского национального духа. Кроме того, предлагалось усилить воспитательно-патриотический компонент в преподавании русского языка, литературы, истории, географии, которые церковные авторы желали видеть не сухим и отвлеченным, а живым, вдохновляющим, проникнутым «здоровой идеализацией» всего родного и отечественного. В ходе думских дискуссий о путях развития российского начального образования деятели церкви защищали преимущества церковноприходской школы, указывая в числе прочего на ее национально-патриотическую направленность. В то же время земская школа оценивалась в церковной печати как рассадник революционных и космополитических идей. Таким образом, Православная Российская церковь выступала оплотом консервативных и национальных начал в сфере образования.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православное духовенство, русский национализм, национальное воспитание, патриотическое воспитание, педагогика, гимназии в Российской империи, церковноприходская школа, земская школа.

Ivan V. Ambartsumov, PhD in History, Senior Lecturer, International Humanitarian Relations Department, International Relations Faculty, St. Petersburg State University. E-mail: ivanrusk@mail.ru

Nationally Oriented Education Issue in Russian Ecclesiastical Journalism of the Late 19th – Early 20th Centuries*

Abstract. The article examines the views of the Orthodox clergy and ecclesiastical journalists of the late 19 – early 20 centuries on the problem of educating the younger generation in the Russian national spirit. The sources used include texts from ecclesiastical periodicals and transcripts of speeches made by the clerical deputies in the State Duma. On the basis of these materials, the author concludes that many church leaders considered the educational system in the Russian Empire not sufficiently national in spirit, and the traditions of home education in intelligent families were estimated by some of them as anti-national and cosmopolitan. Orthodox publicists saw the way of improving the situation, first of all, in strengthening the connection of the school with the church, which was the principal guardian of the Russian national spirit. In addition, it was proposed to strengthen the patriotic component in the Russian language, literature, history and geography teaching, which the church authors wanted to see not dry and abstract, but alive, inspiring, imbued with the “healthy idealization” of everything native and national. In the course of the debates in Duma regarding the ways of Russian primary education development, the church leaders defended the advantages of the parish school, pointing out, among other things, its national-patriotic orientation. At the same time, the zemstvo school was evaluated in the ecclesiastical press as the breeding ground for revolutionary and cosmopolitan ideas. Thus, the Orthodox Russian Church acted as the bulwark of conservative and national principles in the field of education.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox Clergy, Russian Nationalism, Nationally Oriented Education, Patriotic Upbringing, Pedagogy, Gymnasiums in the Russian Empire, Parish School, Zemstvo School.

* The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00096 “Russian Orthodox clergy and Russian nationalism in the late XIX – early XX century”.

